

УДК 94(571.54)

Образ Бурятии в объектах историко-культурного значения. Концепция экскурсионно-туристического маршрута «От палеолита до современности»

Н.Б. Дашиева

Восточно-Сибирский государственный институт культуры, ул. Терешковой 1, Улан-Удэ,
Республика Бурятия, Россия
dashieva-n@yandex.ru

Статья поступила 11.02.2019 принята 16.03.2019

В статье на материалах археологии, истории и этнографии Байкальского региона дается обоснование проекта экскурсионно-познавательного тура по маршруту Улан-Удэ – пос. Энхалук (оз. Байкал). Маршрут протяженностью 180 км позволяет воссоздать историко-культурный образ Бурятии от эпохи позднего палеолита и знаменитого Великого нефритового пути до современных дней.

Ключевые слова: образ-бренд; памятники; палеолит; эпоха бронзы; культ; христианство; буддизм; шаманизм.

The image of Buryatia in the objects of historical and cultural significance: tourist route conception «from Paleolithic Era to the present time»

N.B. Dashieva

East Siberian State Institute of Culture; 1, Tereshkova St., Ulan-Ude, Republic of Buryatia, Russia
dashieva-n@yandex.ru

Received 16.01.2019, accepted 22.02.2019

The article on the materials of archeology, history and ethnography of the Baikal region gives a rationale for the project of the sightseeing tour along the route Ulan-Ude - Enkhaluk Village (Lake Baikal). The 180 km long route allows to recreate the historical and cultural image of Buryatia from the late Paleolithic Era and the famous Great Jade Road to the present time.

Keywords: image-brand; monuments; paleolith; Bronze Age; cult; Christianity; Buddhism; Shamanism.

В нашей современности позитивный образ территории является одной из основ ее культурной и экономической конкурентоспособности. Это процесс, требующий специального и направленного конструирования образа как территории, так и их населения. Для Бурятии это может быть ряд проектов, связанных с оз. Байкал, этническим многообразием ее населения и культуры.

В задачу настоящей статьи входит характеристика памятников истории и культуры по пути следования из Улан-Удэ до пос. Энхалук на побережье Байкала, находящегося в административных границах Кабанского района Республики Бурятия. Общая протяженность маршрута составляет 180 км. Результаты исследования могут стать основой для проекта, создающего образ привле-

гающей к трассе территории, представленной в комплексе ее реальных характеристик и потенциальных возможностей. Проект также имеет историческое и культурно-просветительское значение для жителей республики и «внешних потребителей» — туристов.

1. Село Ошурково. Стоянка древнекаменного века. Первый памятник на пути следования — с. Ошурково, расположенное в 16 км от Улан-Удэ, на левом берегу р. Селенги. Название этого села имеет мировую известность, представлено в соответствующем томе Всемирной истории и занимает важное место в научных статьях современных исследователей древности. По всей вероятности, большинство населения Бурятии об этом не знает.

В 1951 г. академик А.П. Окладников обнаружил около Ошурково, вблизи нижнего по течению реки конца деревни, одну из древнейших в Забайкалье стоянок древнекаменного века, относящуюся к позднеледниковому периоду. Экспедиционные работы продолжились в 1952 г. и, с перерывом, в 1958 г.

Кости животных, найденные на Ошурковской стоянке, свидетельствуют о том, что к концу ледниковой эпохи сибирская тайга стала наступать и вытеснять тундру. На стоянке не было найдено ни одной кости домашнего животного, только диких зверей и рыб. Здесь обнаружены кости первобытного быка-зубра, благородного и северного оленя, лося, кабана и зайца. Все орудия труда были изготовлены из камня и кости — скребки, вкладышевые наконечники копий и ножи («вкладышевые» означает, что острые каменные пластинки вкладывались в узкие пазы, сделанные на кости). Было найдено множество отщепов кремния, костяной наконечник гарпуна, костяные и кремневые шилья, костяная игла. На площадке раскопа археологи также обнаружили остатки древних очагов в виде выложенных из камней кругов [1, с. 409–411].

Изыскания ученых позволяют воссоздать привлекательный для жителей Бурятии и туристического бизнеса неповторимый образ с. Ошурково как одного из древнейших в мире поселений. В перспективе близость археологического комплекса к городской черте и разнообразие найденных артефактов могут стать обоснованием для создания здесь парка позднеледниковой эпохи, открывающего панораму жизни людей древнекаменного века, обитавших на Ошурковской стоянке от 15 до 10 тыс. лет тому назад.

2. Перевал Мандрик. Перевал Мандрик — отрог хребта Хамар-Дабан на высоте 900 м. По местной традиции все проезжающие останавливаются на перевале, чтобы поднести дары духам — хозяевам местности. Подношения (монеты, конфеты) привязывают ленточками на ветви деревьев. Путники, принося здесь жертвы духам — хозяевам горы, мысленно просят их о помощи и благополучном путешествии.

В традиционной картине мира бурят вершина горы воспринимается как пространство богов и духов, природный храм. В настоящее время на Мандрике рядом с деревьями, которые, как и горы, в мифопоэтическом типе сознания воплощают универсальную концепцию мира, построены кафе и общественный туалет. Данные объекты нужно отделить от ментального образа вершины горы как сакрального пространства. Для этого на самой высокой точке перевала, находящейся несколько дальше, с которой открывается величественная панорама уходящих вниз уступами зеле-

ных сопок, необходимо обустроить удобную и безопасную смотровую площадку.

3. Фофановские погребения. Далее по пути следования нас ожидает открытый А.П. Окладниковым в 1927 г. на возвышенном мысу в низовьях р. Селенги, у д. Фофаново, древний могильник, где были обнаружены разновременные захоронения с выразительным инвентарем эпохи неолита, бронзового и железного веков. Самая многочисленная группа фофановских погребений относится к глазковскому времени (1700–1300 гг. до н. э.). В их инвентаре имеются украшения из перламутра, мраморные кружки и характерные плоские ножи листовидной формы из меди или бронзы, а также другие изделия, обычные в погребениях глазковского типа на Ангаре и Лене.

Раскопки 1948 г. вскрыли на Фофановской горе, кроме погребений глазковского времени, и более поздние захоронения. Самое интересное из них по ритуалу и наиболее обильное по сопровождающим вещам было детское погребение. Это костяк ребенка 4–5 лет, положенный в сумку из бересты, густо окрашенной в темно-малиновый цвет, по-видимому, киноварью, доставленной издалека. Ребенок был завернут в собольи пеленки. При нем находился бронзовый или медный кинжал карасукского типа, что указывает на связь культуры местного населения с Алтаем и Южной Сибирью. По сообщению ученого, это одно из наиболее известных архаических изделий такого рода, и вообще — первый карасукский кинжал, найденный археологами в могилах Восточной Сибири. Примерную его датировку А.П. Окладников определяет в пределах XIII–XII вв. до н. э. Вместе с кинжалом были положены два миниатюрных топорика (тесла) из саянского нефрита изумрудно-зеленого цвета.

Вывод исследователя: судьба селенгинских племен всегда была тесно связана с судьбами населения не только Монголии или соседних таежных районов, но и несравненно более отдаленных областей, расположенных к западу от Байкала [2, с. 304, 305; 3, с. 322, 323]. Нахождение нефритового топорика в детском погребении в Фофаново не является единичным случаем в археологии Прибайкалья. В Баргузине, в местности Уро, недалеко от р. Ина, также в детском погребении среди колец и бусин из молочно-белого нефрита был найден топорик из светло-зеленого нефрита [7, с. 243].

В середине II тысячелетия до н. э., ко времени появления конницы, относится создание загадочного Великого нефритового пути. Этот путь отмечен распространением шлифованных украшений из саянского нефрита в соединении с бронзовыми предметами (оружие, орудия, ножи) в зоне стыка степей и северных лесов. Нефритовый путь шел в широтном направлении из Прибайкалья на запад,

по лесостепному коридору вдоль современной транссибирской магистрали, затем проходил Уральские горы и достигал Волги близ устья Оки. Таким образом, он соединял глазковскую культуру Прибайкалья с сейминско-турбинской культурой Волго-Камья, т. е. Южную Сибирь и Восточную Европу. При этом из Сибири на запад, в Восточную Европу, шел импорт кельтов и нефритовых изделий [4, с. 11–13].

Предположительно из нефрита саянских месторождений были изготовлены парадные топоры-молотки, обнаруженные Генрихом Шлиманом в Трое (Троянский клад, раскопки 1882 г. – 1890-х гг.), которые относятся к шедеврам камнерезного искусства эпохи бронзы. Близкие им параллели имеются в находках из Бородинского клада, или, как еще принято называть его, Бессарабский клад (находка 1912 г.). Несмотря на то, что основная часть предметов из этих кладов хранится в Государственном историческом музее, их изучение на основе новейших естественнонаучных методов, дающих обоснованный ответ на вопрос о месторождении камня, пока еще не произведено [8; 9].

Другое направление Великого нефритового пути – шан-иньский Китай [4, с. 12, 13]. Это направление активно действует и в наши дни как канал нелегального вывоза саянского нефрита, что содействует формированию образа «криминальной» Бурятии. Между тем, в древнейшем китайском источнике «Шан-хай-цзин» («каталог гор и морей»), который может быть датирован IV–III вв. н. э. (имеются и более ранние датировки), упоминается холодное северное море с островом посередине. На острове неприступные скалы с изображениями чудовищных животных, и представители местного населения при захоронении своих покойников «в рот кладут счастливый нефрит» [5]. Территорией, указанной в этом источнике, могут быть оз. Байкал и остров Ольхон, на скалах которого имеются древнейшие петроглифы.

Великий нефритовый путь соединял античный мир Европы с древним Китаем, а центром его были Восточные Саяны – современные Окинский и Тункинский районы Республики Бурятия. Данное обстоятельство может стать обоснованием для разработки ряда проектов, направленных на формирование позитивного образа Бурятии в его исторической связи с древнейшими культурами как Востока, так и Запада. Для этого необходимо, *во-первых*, издать альбом с фотографиями изделий из археологических раскопок, выполненных из саянского нефрита, которые хранятся в музейных коллекциях Эрмитажа и Европы, в Государственном историческом музее и т. д.

Во-вторых, одним из ярких брендов Бурятии могут стать сувениры из саянского нефрита, вы-

полненные по образцу представленных в альбоме изделий. Для мотивирования покупок можно напомнить об отношении древних людей к нефриту как к камню, «охраняющему» и «возвращающему» душу. В частности, в Древнем Египте нефрит клали в середину мумии или поверх нее. Нефрит символизировал человеческое сердце и являлся гарантом воскрешения. Носили его только знатные египтяне. Предположительно, это тоже был саянский нефрит.

В-третьих, следует организовать международную евразийскую конференцию «Великий нефритовый путь» с привлечением ученых, сотрудников музеев, представителей туристической России, Китая, Греции, Египта и др., что позволит изделиям бурятских камнерезов выйти на туристические рынки общемирового значения.

И, наконец, очень важно дать достоверный, научно обоснованный ответ на вопрос о месторождении камня, из которого были изготовлены изделия из кладов, имеющих мировую известность.

Нефритовые топоры бронзового века обращают нас к эпохе железного топора, кузнечному культу, обозначенному в археологии как «культура курумчинских кузнецов».

4. Эпоха железа. Культура курумчинских кузнецов в устье Селенги. Границы распространения памятников культуры курумчинских кузнецов определяются низовьями Селенги, долиной Баргузина, Тункинским районом, долиной Ангары до ее устья и верховьями Лены. Географический центр – побережье Байкала. Название этой культуры железного века происходит от названия местности Курумша в Предбайкалье, где обнаружено огромное количество железного шлака, обломков кузнечных горнов, черепки от глиняных сопел – трубок, которые надевали на кузнечные меха, целые и битые плавильные тиглы. Железо курумчинцев славилось особой ковкостью и прочностью.

Курумчинцы были скотоводами и разводили те же виды скота, что и современные буряты. Главные сюжеты наскальных изображений курумчинцев – лошади и всадники. Сакральный центр – Шишкинские скалы на Лене. По этнической принадлежности это тюрки-курыканы. Курыканы перечисляются среди уйгурских родов, а наследниками курумчинских кузнецов являются якуты и буряты [6, с. 76].

У бурят-шаманистов до нашей современности сохранился развитый кузнечный культ. В его структуру входит пантеон богов-громовников с функциями кузнеца и богов-кузнецов, культ кузни как сакрального пространства, кузнечные обряды, отношение к кузнецу, как жрецу бога-громовника, укротителя железа и огня, наделенного способностями лекаря.

Идея проекта — создать в устье Селенги, вблизи с. Хандала или Корсаково Кабанского района, центр кузнечного культа бурят, и активно включать в разработку историко-этнографического образа Бурятии потомственных кузнецов-дарханов.

5. *Село Байкало-Кудара. Благовещенская церковь Пресвятой Богородицы.* Благовещенская церковь — второй на территории Бурятии каменный храм. Деревянная церковь была построена в конце XVII в. и сгорела в 1690 г. Строительство каменного храма было начато в 1736 г. и завершилось через 6 лет. Величественное белокаменное строение в Прибайкальской степи уже издали притягивает к себе внимание всех проезжающих. Поскольку трасса, ведущая к Байкалу, проходит несколько в стороне, невольно возникает желание заехать в село и зайти на церковное подворье, в саму церковь, чтобы соприкоснуться с бытом первых русских людей, заложивших основу христианской культуры в далекой Сибири.

6. *Село Оймур.* Менее чем через час пути от Байкало-Кудары мы въезжаем в одно из старейших русских сел, расположенных в дельте Селенги. Трасса проходит по нижней улице, прилегающей к берегу Байкала. Здесь сохранились усадебные постройки крестьян и рыбаков позапрошлого века. В домах и амбарах, сложенных из бревен вековых деревьев прибайкальской тайги, несмотря на то, что они не жилые, чувствуется былой достаток хозяев, ощущение свободы, воли и неутомимого труда их хозяев. В перспективе одна из таких усадеб, выставленная в настоящее время на продажу (о чем можно судить по объявлениям, написанным краской непосредственно на стенах и все еще крепких воротах), может стать местным историко-культурным центром музейного типа.

6. *Байкальский дацан «Дамба Даржалин».* Проехав от с. Байкало-Кудара всего несколько километров, достигаем берега Байкала. Летом 2017 г. при въезде в с. Дулан был открыт первый на берегу озера буддийский храм (дацан). Здесь установлены восемь беломраморных скульптур Лусудханов — главных хранителей вод и повелителей всех водных божеств буддийской традиции. С этого времени в храме начали проводиться большие молебны.

7. *Шаманский комплекс духа-хранителя Байкала Усан-Лопсона (с. Дулан).* Комплекс был открыт при выезде из села в конце 90-х гг. прошлого столетия. Он представляет собой огражденную территорию, предназначенную для проведения шаманских обрядов, посвященных духам — хозяевам Байкала. Центром комплекса является ста-

туя духа — хозяина Байкала, выполненная из дерева современным скульптором. В настоящее время комплекс освоен как шаманистами, которые проводят здесь сезонные обряды, так и местными жителями — в качестве площадки для концертов и фольклорных фестивалей.

8. *Шаманское святилище перед въездом в пос. Энхалук.* Это небольшое святилище, устроенное над трассой, по шаманской традиции бурят. Здесь останавливаются проезжающие. Имеются небольшая беседка со столиком и жертвенник, на котором проезжающие оставляют сигареты, мелкие деньги и т. д. История святилища связывается с эвенкийским охотником, но требует специального изучения.

Таким образом, экскурсионный маршрут протяженностью 180 км, представляющий собой путь из Улан-Удэ до пос. Энхалук — известного еще с советского времени места отдыха на побережье оз. Байкал, — наглядно демонстрирует историю и культуру территории Бурятии, начиная от эпохи палеолита до наших дней. При вложении определенных материальных и организационных усилий экскурсионный маршрут длительностью до 5 часов создает яркий историко-культурный образ республики.

Литература

1. Окладников А.П. Палеолит Забайкалья. Общий очерк // История и культура Бурятии: сб. ст. Улан-Удэ, 1976. С. 385-415.
2. Окладников А.П. Археологические исследования в низовьях реки Селенги (Предварительное сообщение о раскопках, произведенных в 1948 г.) // История и культура Бурятии: сб. ст. Улан-Удэ, 1976. С. 302-306.
3. Окладников А.П. Археологические исследования в Бурят-Монголии // История и культура Бурятии: сб. ст. Улан-Удэ, 1976. С. 315-329.
4. Хамзина Е.А. Ранние погребения в Онкулях (долина реки Баргузин) // Этнографический сборник. Улан-Удэ, 1974. Вып. 6. С. 234-244.
5. Кызласов Л.Р. Очерки по истории Сибири и Центральной Азии. Красноярск, 1992. 224 с.
6. Бабанов И.Г. Бородинский клад [Электронный ресурс]. URL. http://kirsoft.com.ru/mir/KSNews_61.html (дата обращения: 05.06.2019).
7. Трейстер М. Троянские клады [Электронный ресурс]. URL. <https://arheologija.ru/treister-troynskie-klady/> (дата обращения: 04.01.2019).
8. Каталог гор и морей (Шань хай цзинь) / пер. Э.И. Яншиной. М., 1977. 236 с.
9. Окладников А.П. Буряты. Расселение и происхождение. Хозяйство // История и культура Бурятии. Улан-Удэ, 1976. С. 61- 101.